

Художник и время

ВСТУПЛЕНИЕ В ИСКУССТВО

У НАС СЕГОДНЯ много, вероятно, заинтересовано говорить о творческой молодёжи. Тема эта, можно сказать, вечная. Но сегодня, после известных постановлений ЦК КПСС, вопрос о воспитании молодой поколения поднимает на самый высокий уровень, и рассматривается он в новом аспекте по сравнению, скажем, с пятидесятыми годами.

В то время я был ещё молодым автором и поэтом, как в наших театрах впервые организовывались так называемые смотры молодёжи. Это был первый сменяемый период, когда молодые артисты зачастую оставались не у дел. Я прекрасно помню, как знаменитый Иван Золушкин представлял мне (я был тогда секретарём комсомольской организации театра) и, плача, говорил, что у нас нет роли для полова на сцене... Да, было такое время. Потому что поколение, которое мы должны были сменить, отличалось необычайной девослостью, играло много, успешно, и нам короче не находилось места на сцене. И тогда начались поиски: как вызвать молодёжь? Отсюда и появились смотры творчества молодёжи, которые существуют в наши дни.

Надо сказать, что в нашей хатматковской театре Рубен Никулович Симонов решал данную проблему в высшей степени блестяще. Ибо помню, что, если молодые артисты сразу не будут заняты делом, вчерашнего, сменяя их извне, не получится: их, на сцену подползает так, что, а сцену неумолимо будет переполнять на свои лапы весь груз, лежачий позади старшим актёрами.

И если говорить о творческой деятельности актёра, можно вспомнить таких, как Ю. Визинский, К. Визинский, Ю. Визинский, А. Пашков, как бы это молодёжь — как В. Лановой, В. Шаповалюк, — это заслуга Рубена Никуловича, который не побоялся выводить на сцену нас вместе с именитыми мастерами. И когда пришла пора, говорю спортивным жюри, безвизит на длинные дистанции, многие из прошедших такую школу выдержали. Теперь вот подрастает и приходит к нам большее значение в наших театрах есть одно поколение — Евгений Каральский, Виктор Золушкин, Владимир Коваль, Алексей Кузнецов, Александр Галесский, Эрнст Зорин, Александр Павлов, Олег Форостин, Нина Руслянова, Ирина Кученко, Людмила Максимова и другие.

Тогда, в пятидесятые годы нашей в театре была проблема зрелости молодёжи. Что является учёбы, обретения профессиональных навыков — то тут уж мастерам нашим учителей стоило на высочайшем уровне. Достаточно сказать, что все они — Г. Александров, Б. Завава, Р. Симонов, А. Орочко, Л. Шапкин, Ц. Мансурова, Н. Руслянова, В. Ланова, Н. Точанов — являлись непосредственными учителями Е. Визинского, доносили до нас перловский, азербайджанский язык и неповторимый свет его таланта, его идей.

Сегодня же вопрос о молодёжи в искусстве приобрёл качественно новый смысл, поднял до уровня партийного, философского, гражданского осмысления жизни. И это закономерно. Ведь с каждым годом искусство, в том числе и театр, становится всё сложнее, все отчетливее выдвигается тенденция анализировать проблемы сегодняшней жизни, человека, человека бытия с более углублённым философским познанием. Может быть, эта тенденция развития театра приводит к некоторой утрате зрелищного начала, того замечательного эффекта потрясающей страсти? Возможно. Но сегодня, как никогда, художник должен быть человеком размышляющим, болевшим насущными проблемами, ощущающим свою сопереживательность в тону, что происходит в окружающей жизни. «Чистое мастерство без гражданственности, твёрдый мирообразительский познаний не стоит дорого. Потому, мне кажется, разговор о молодёжи, ее творческом росте и развитии должен вестись именно с позиции работы о ее

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

душою, идейной, гражданской, нравственной зрелости.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ навыки, мастерство молодёжь теперь осваивает довольно быстро и целоко. Молодой автор ещё в стенах училища успевают походить «актерского сузда» и на сцене, и в кино, и на телевидении, и на радио... Здесь нельзя сравнивать, как долго, постепенно готовила я право выхода на сцену наших учителей. В этом был законен и естественный смысл. Сегодня артисты быстро овладевают на сцене, быстро ориентируются. Но они ослеплены, а без действия, для осознания, а не для повети. Да, процесс роста речисла проталит более интенсивно, и он заметен, ощущен. А вот процесс духовного роста, мушкетера человеческого, художнической личности, являясь менее заметным, остаётся таинственным медленным при всех наших изобретательских новшествах.

Мне думается, проблема личности — одна из самых острых, актуальных, но только применительно к различным категориям творческой молодёжи, но и к искусству в целом. Сегодня существуют на то, что трудно найти такого художника, такого актёра, который «отражал» бы, «фокусировал», что ли, а себя действительность во всем многообразии ее проявлений и проблем, являясь бы законодательным духом жизни, в котором бы приходили люди со своей болью, проблемами, как плач в Толстому, в Станиславскому, Вахтангову или другим великим творцам.

Верно ли это? Вероятно, да. Трудно ответить на все вопросы многоликой современной жизни. Наука, например, была делится на многие в много отрасли, ибо охватить все ее завоевания не способен ни один ум. Но есть общие проблемы, касающиеся всех или почти всех людей. И ответы на них тоже ищут у художника. У «ириса искусства» — но боялись этиг вымысла свое. Ведь художник, особенно актёр, обращается к людям как бы с вефедри. А театр в есть вефедри — об этом говорил ещё великий Гоголь, — с которой звучит проповедь идей и идеалов. На считаться с этой нелегко, наоборот, следует всячески поддерживать, утверждать это высокое значение театра, значение личности художника. Тем более что жаждя, потребность в актёре — огромны.

Люди всегда тянутся к идеалу — социально-нравственному, художественному. На него ориентируются, им сокращают свои поступки. Но этот идеал должен быть идеальным, конкретизирован в той или иной личности. Не в стандартной, а в индивидуальной, выходящей свое имя, свою жюженную, творческую волюнку. И здесь мы подчас далеко отходим от желаний, мечтаний зрителя увидеть на сцене такую личность.

Может быть, среди тех, кто сегодня занят в театре есть только в массовых жанрах играют маленькие роли, и растут личности, которые сумеют ответить на многие вопросы зрителя. Во многих случаях, нет оснований обвинять нашу молодёжь в безразличии к ней. Я бы хотел не смея этого сказать.

В театре всегда существовала некая «настороженность» актёра, а в ней выдвигались мастера, выходящие в себе особую полноту. Скажем, на МХАТе или в нашем театре раньше немаленько было просто приходить к нам Качалова или Чуковского... Сейчас же — все на более зрелой ноге. Но некоторые из молодёжи воспринимают это слишком буквально. Конечно, можно быть по-человечески близко к мастеру. Но в творческом отношении — здесь дистанция огромная. Годы напряжённой работы, годы обретения мастерства ничто не заменит. Вот этого не надо забывать.

СОВРЕМЕННАЯ молодёжь тоже не умеет трудиться. Ее работоспособность огромна. Но работа, сейчас им все много рабобоем, похвалы, иногда даже больше, чем следует. Мы, авторы, беспрестанно заняты выволением палаты разных организмов — будь то театр, кино, телевидение или радио. И порою невольно осмысливаю происходя-

щие события, процессы, попытаюсь на себе со стороны. Ведь много лучше себя не знает театр, солдат, солённый, заледен, заледен...

Однажды Инна Чурикова высказала очень поправившуюся мне мысль: «У меня был год престола, и мне говорят, что это второстепенный год. Я так не считала. За это время я ознакомила и осмыслила много, что мне даёт теперь возможность по-иному подойти к делу...»

Находясь в состоянии бесчисленной занятости, вынужден, и нередко и второстепенными делами, мы обираем себя и в том отношении, что очень мало видим работ своих товарищей, коллег. Все, конечно, увидят, услышат, прочтёт мелька, но то, что определяет нынешнее состояние искусства, отражает сложившуюся жизнь, мы обязательно должны видеть.

Как важно и полезно бывает сразу увидеть произведение, особенно молодого автора или в исполнении молодёжи, отметить не только мастерство, но и стремления пойти дальше демонстрации мастерства, проникнуть в суть явления, осмыслить его с высшей гражданской, философской, нравственной позицией! Мне лично это приносит самую большую радость, потому только может доставить восторга с настоящим талантом. Такое ощущение, встать, ислытвая в содеянное, восторг, во время нашей гастроли в Ереване. На гастроли у артиста бывает больше времени, и мне довелось посмотреть для спектакля в Ереванском драматическом театре, который руководит замечательный современный режиссёр Рачья Капанян. Это — «Забить Герострата!» Г. Горина и «Последний учитель!» В. Петросяна. Творческий состав театра молод, работает он не в лучших условиях — маленькая сцена и зрительный зал, но очень удобной помещении в целом. Но все это ничто в сравнении с маршечкой являясь душой повеса. Потому я хотел бы рассказать о своих впечатлениях подробнее.

СМЯГАЕТ так подчас у молодёжи артистов, что прежде всего они хотят понравиться, прожеститься зрительством. Познать: мы сами с усам в томе не являем шты. И иногда легко унадуруются это делать. Смотров — и действительные уже с усам в действительные ле являем шты. Но если, кроме внешнего, показного, ничего другого нет, то и вать отсюда нечего. В спектаклях срежиссёра подползает как раз явление, а проникнуть «внутри» явления, а проникнуть в глубину заявленных тем в проблем. В постановке молодого талантливого режиссёра Армена Хатикяна «Забить Герострата!» поднимается проблема развенчания властвующего человеческого ничтожества. Актёр Владимир Мсрав, блестяще игравший роль Герострата, одержимо стремится востать и вымарнуть названную самую суть этого фашиствующего чудовища, который тянется доказать всем и каждому, что мир под и что все люди ничтожны, все находится на его уровне. И в этой страстности яростной одержимости актёра яростно вытекает его гражданское отношение к «герострату» — ощущается огромная тревога, человеческая боль; активно утверждается, что мир наш именно духовностью личности, добротой и гуманностью, а не «материальностью».

Светлая постановка в сыгран очень профессионально, но меня в нем удивил не профессионализм — этим удивить сегодня довольно трудно. Удивил оно именно той духовной возвышенностью художников — актёра и режиссёра, которая в этом спектакле заключена. И это сразу привело меня к другой мысли, отдававшей от являющегося театральное представление, поднимая до уровня сардического и во же время гражданская возвышающего диалога со зрителем.

Что же является мастерством — это отдавать его от той высокой духовности, в которой должен стремиться художник. Он должен быть во всеобщим мастерства, должен быть заразительным, блистательным. Ма-

стерство — наше оружие, но мы должны твердо знать, куда в призвать его. В Ереванском драматическом театре в их на ставили — Р. Капанян это по-настоящему прекрасно.

Второй спектакль — «Последний учитель» поставлен самим Р. Капаняном. В нем тоже поднимается очень важная проблема — проблема человека своего достоинства юноши, вступающего в жизнь.

Человек — это прежде всего осознание собственной личности, своего достоинства, значения — пусть не исторического масштаба, но все-таки того, что он не «впитан», а человек — «являя творения». И вот, когда в школе, где разветвлены являясь достойные спектакли, когда жажду души наталкивает замечать бунтом, являясь взаимоотношения переводит в проценты, там случается история, из которой все не участники извлекают «чужастранный» урок. Вряд ли стоит читать фабулу этого захватывающего спектакля (повесть В. Петросяна можно прочитать в журнале «Москва», № 8), скажу о главном: в нем тонко, деликатно, убедительно исследуются духовные процессы, протекающие в один из самых ответственных периодов формирования человеческой личности; говорится о являющейся оценке человека с позиции: укладывается он в будущее прокрустово ложе или нет.

В спектакле прекрасно работает все молодёжи актёры в том числе таланты Капанян, Армен Хатикян, Артур Утянцян, Алексей Хрикин. Но мне, интереснее черты открывает в себе и замечательный актёр старшего поколения Левон Тухижян, играющий роль учителя. Он представляет не столько человека, обладающего опытом жизни и педагогической деятельностью, сколько учителя, разведывающего и прональзывающего вместе с учениками верный путь в сложностях человеческих взаимоотношений. Интересен Ишхан Гарябин в роли директора школы.

По-новому открылся и сам Рачья Капанян. Этот насыщенный тонко чувствующий природу театра режиссёр, романтичный в постановке шедевральный режиссёр, романтический в постановке («Ормозлаван»), вдруг как бы забывающий про эти сложности и углубляется в исследование психологии героя, из духовного мира. В спектакле есть немало прекрасных сцен, но об одной мне хочется сказать особо. В ней речь идет о мальчишке, который, испугавшись, совершает предательский поступок. И в этой финальной сцене ребята, в надежде, что он исправится, благодарно прощают его, как бы «наказывают добром» — отключают в фехтовальную игру. Замечательная сцена! Казалось бы, — ах, как современно она решена — современный спортзал, фехтование, пластыль! Но до слез волнует не это, а то, что в ней являющийся один из главных наших нравственных принципов, ставший в нравственном восторг спектакля: доверие к человеку, даже если он сформировался в самые трудные времена, в самые трудные времена, в самые трудные времена.

Я не случайно столь подробно говорю о Ереванском драматическом театре, этот театр в нашей стране, это театр, творчески зрело может работать наша молодёжь. Как гармонично могут сочетаться интересы разных поколений. Как могут уметь, настолько претворяться в жизнь постановки ЦК КПСС «о работе с творческой молодёжью» и «о дальнейшей обучении взрослых», политико-воспитательной работы. Несомненно, здесь огромная заслуга Р. Капаняна, который не только в профессиональном, но, прежде всего, в духовном плане ведёт за собой коллектив. И думается, в самых разных концах нашей страны мы можем встретить со многими интересными, ищущими театрами, подобными тому, с которым мне довелось познакомиться в Ереване.